

Андрей Санников

Санников Андрей Юрьевич родился 26.04.1961 в г. Березники Пермской области. В четырнадцать лет ушёл в хиппи, автостопом и электричками объехал всю страну. Окончил исторический факультет УрГУ, несколько лет занимался научной деятельностью. С научными экспедициями обошел едва ли не все старообрядческие поселения Урала и Сибири, участвовал в археологических экспедициях в Новгороде, в Сибири и Туве. Работал руководителем лаборатории реставрации в Перми, заведующим отделом Свердловского музея краеведения. Много лет был тележурналистом (автор телевизионного проекта «Земля Санникова» и др.). Несколько лет жил в Нижнем Тагиле, где занимался православной просветительской деятельностью, директорствовал в церковно-приходской школе. В настоящее время руководит литературным клубом «ЛебядкинЪ». Публиковался в журналах «Воздух», «Несовременные записки», «Уральская новь», «Урал», «Октябрь», «Поэзия» (Милан), «Знамя», «Зинзивер», «Антологии поэзии Екатеринбурга» (2003), антологии поэзии «11:33» (2008). Автор книг стихов «Прерафаэлит» (Челябинск, 1999, 500 экз.), «Подземный дирижабль» (Нижний Тагил, 2004), «Луна сломалась. Лёгкие стихи» (Екатеринбург, 2006), «Ангельские письма» (Нью-Йорк, 2011). Лауреат премии им. Бажова (2006) за книгу «Луна сломалась», лауреат премии имени А. Решетова (2011) за книгу «Ангельские письма». Участник АСУП-1,2,3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов А.С.

Традиции, направления, течения: модернизм, натурализм, символизм, неоакмеизм, экзистенциализм, экспрессионизм, минимализм, метареализм (метаметафоризм), постмодернизм.

Основные имена влияния, переклички: Е. Баратынский, Ф. Тютчев, А. Блок, В. Ходасевич, Г. Иванов, М. Цветаева, Л. Губанов.

Основные формальные приемы, используемые автором: элегизм, исповедальность, неклассическая музыкальность, метафоризм, сарказм, интertextуальность, мистификация, метатекст.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: оппозиция внешнего/внутреннего, одиночество, тоска, боль физическая и душевная, болезненность, смерть, стихийность, дождь, вода, земля, зима, состояние холода, руки, ладони, крылья, птицы, деревья, луна, сон, город, родина, Урал, Сибирь, женщина, жена, религиозная образность, речь, поэзия.

Творческая стратегия: избывание боли; эстетическая оппозиция быту.

Динамика: в стихах 2-го и 3-го тома все более отчетливо проявляется оппозиционность сознания поэта быту и в целом внешнему миру, несправедливому, жестокому, причиняющему боль. Ощутимо усиление саркастической интонации по отношению ко всему искусственному и преходящему. Концепция двоemiрия сопровождается моделированием религиозной картины мира, активным использованием религиозной образности.

Коэффициент присутствия: 0,88

АВТОБИОГРАФИЯ

Как-то на встрече с читателями (ну, видно, что подготовились, вопросы спрашивающим заранее раздали, слайд-фильм про меня сделали, школьников привели) спрашивают:

– А какое самое сильное впечатление было у Вас в юности?

– Первый секс, конечно.

Они-то (глупые) думали, что я затуманюсь и скажу – «Снежная маска» Блока. Так вот, которым надо «затуманиться» – вы эту автобиографию не читайте. Расстроитесь.

...Оптика совершенно другая. Голубя с бензиново-переливающимся ожерельем можно было обнять за шею, а собаку похлопать по крутому крепкому боку поднятой перед собой ладонью, как будто она, собака, – лошадь. Тополя размером со взрослого человека, тёплые (разумеется), водянистые, съедобные. Асфальт тоже съедобный, ярко-чёрный. Все едят гудрон, кисленькие муравьиные жопки и белый хлеб, посыпанный сахарным песком и политый (зачем-то) водой. Березники, я живу в Березниках!

Вот я бегу «подвзрывать карбид» к сараю в «лишайке» – у меня лишай от кота Мишки, голову обрили и мажут йодом, кожа на голове отслаивается и развевается жёлтыми бумажными лоскутками, вокруг меня человек 7 пяти-шестилетних с такими же жёлтыми головами. Пришли папа с мамой,

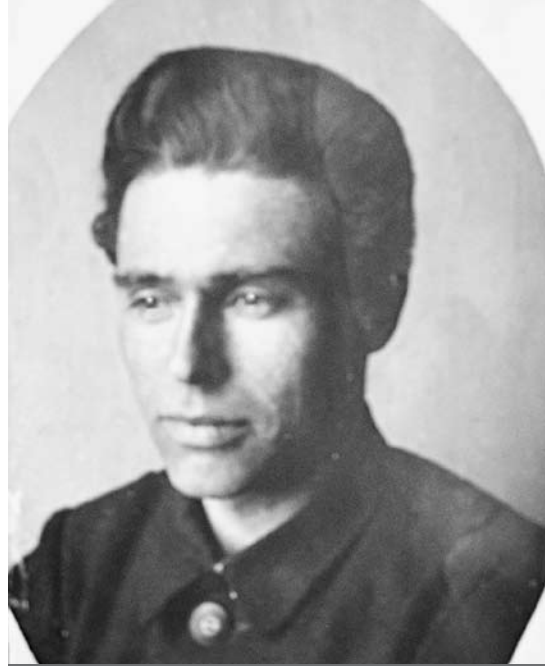
в «лишайке» надо лежать месяц, я сел на стекло в траве, наложили 4 шва, некогда, «карбид» же. Зверкины из нашего дома на Веры Бирюковой, из второго подъезда, молодожёны, пошли на поле и застрелились по очереди из ружья. От любви, чтобы ни один не пережил другого. Пушкарёвы бедные, был в гостях, у них унитаз разбился, писают в дырку на полу ванной/туалета. Данилюки со второго этажа меня всё время – поймают и кормят, картошка с салом. Мама обижается, что я у них ем, как голодный. На первом этаже – поляки, и немка старая, и тётя Валя, которая мне штаны бархатные зашивала, когда я застрял в велосипеде, на втором – Данилюки (я уже говорил), у них Ольга и Саня, на третьем – тётя Роза и дядя Федя Гимадеевы, у них Колька (убьют в 90-е, найдут расчленённый труп потом) и Вовка. На четвёртом (напротив нас) немцы Гейеры, у них собака маленькая, слева – тётя Женя-дворничиха, наискосок, в 13-й – дядя Петя и тётя Маруся (которой бабушка Таня, умирая, сказала, чтобы она была мне вместо неё и что я крещёный). У тётя Маруси сын Витька по прозвищу Фанфан-Тюльпан, который спрыгнул с четвёртого этажа и не разбился, и баба Акулина, у которой есть икона. Ещё соплей или достаточно?

А вообще – кому адресована эта вот «автобиография»? Кого я хочу впустить в свои ласковые Березники 60-х или в свой чудовищный Свердловск 90-х? Зачем вы вообще мне там, читатели-посетители? Я что, должен обаять и накормить вас? Горем своим и счастьем накормить? Чтобы пальцем вы показывали в мою память – «о, у нас тоже дома такой уют был, лысьвенский!». Охренеть. «Все вещи либо одинаковы, либо различны» – кто это сказал? Не знаете? Ну вот. А я знаю.

Я очень поздно очнулся и повзрослел, много лет я жил в уверенности, что люди только при мне говорят ничтожные, «внешние» слова, а стоит мне выйти – и они, оглянувшись, начинают говорить по-настоящему, про самое важное и нежное. Меня просто трясло, например, в магазинах, когда я слышал про «грамм триста колбаски!». Ну не может же этого быть, этих нищих слов, ну на самом деле! Вполне вероятно, что всё это время я был попросту сумасшедшим. Да.

В 8 (кажется) лет я прочитал у Решетова – «уже глаза озёр осенних смеркли» и тогда же впервые увидел Решетова на улице. Сказать, что всё после этого изменилось, – неправильно, внешне-то жизнь оставалась общепологающей, но теперь я понимаю – действительно, всё изменилось, т.е. тогда-то и изменилось навсегда моё будущее. Что-то меня выбрало и повредило навсегда.

Я окончил школу, поступил на истфак в Уральский университет и написал тот корпус текстов, который сейчас известен как «Юношеские стихи». Вместе с Васей Кузнецовым, Женей Верши-

Мой дед Саша, мамин папа. Погиб на войне

ниним и Валерой Дырковым мы создали – ну, такой метод, такой способ стихов – длина каждой строки равна длине выдоха (пробел равен выдоху без произнесения слов), рифма, завершающая выдох, практически неопознаваема по сравнению с силлабо-тоническим притопом/прихлопом. Никакой «литературы», ради Бога, никакой! И ещё (мы называли это «несколько слайдов, застрявших в проекторе и проецируемых одновременно») – очень настойчивая визуальность, когда сквозь стену общежития видны потрескавшиеся каменные дирижабли, наискосок пересекающие кадр. Валера умер, где теперь Вася Кузнецов и Женя Вершинин – не знаю, стихи их, написанные паразитично сходными (как скорюпись рубежа XVII–XVIII веков, логичная и вычурная одновременно) почерками, – у меня их не осталось. Пропали, оставил я их где-то во времена отсыревшего бездомничанья. «Сидишь, седеешь, ждёшь дождя...» – это Валерины, всё равно что-то помню наизусть и навсегда.

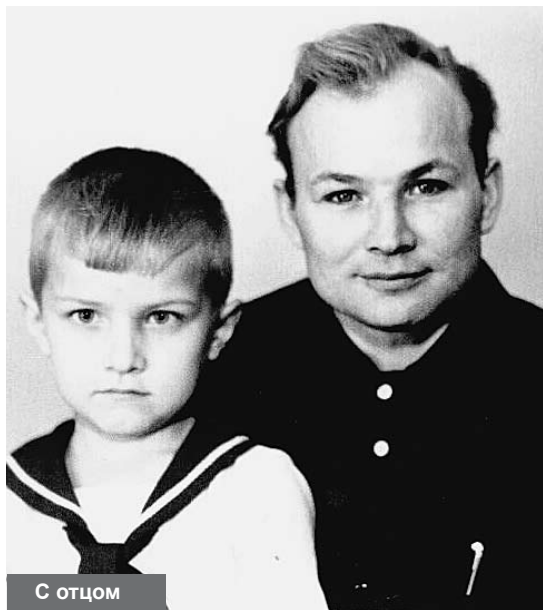
Через 25 лет «Юношеские стихи» опубликовал Александр Петрушкин и – о, удивительно, волшебно! – их услышали... Как просто, как хорошо – оказывается, они были не зря, оказывается, надо всего лишь жить, не умирая, и – дождётся. Да, хорошо! При публикации «Юношеские стихи» вызвали некоторую литературную бурю, такую как бы интригу сформировали – да неужто они «тогдашние», как же их «тогда»-то не заметили, гениальные ведь тексты-то?! Не надул ли нас Санников, не сейчас ли он их сочинил? Нет,

С мамой в Березниках

не сейчас. Сергей Ивкин где-то писал: «Стихи эти созданы абсолютно счастливым человеком!». В этом и дело, в абсолютном тогдашнем счастье, теперь-то я – ого-го, громоздок. Ну ладно, продолжаем.

Университет я закончил позже сокурсников на 2 года, были причины. Ввязался в невероятную драку, заражение крови, 35 суток реанимации, вес 38 килограммов, 21 операция, два года больниц, плоский запах гноя. Мама, прозрачная, спящая, подогнув ноги, на метровой кушеточке рядом в палате, папа, почерневший, прочитавший всю

С отцом

БСЭ от корки до корки, чтобы не чокнуться. Ногу с куском таза должны были отнять (о! ничего себе слово – отнять!), чтобы нога «оживла» ночь за ночью хожу по лестнице с 1 этажа на 3-й и наоборот, штанина от гноя мокрая. Ёпэрэсэтэ! Молодец какой. Вот тогда-то я и дописал свои абсолютно счастливые «Юношеские стихи». Повторюсь – абсолютно счастливые. И сразу принялся писать новую книжку, силлабо-тоническую – «Каменный хлеб».

Вот уж действительно – «русские не смеются!», как говаривает один мой родной человек 2 лет 9 месяцев от роду у себя в задождливевшем Смоленске по утрам.

Жизнь моя второй половины 80-х и начала 90-х уже достаточно подробно зафиксирована – в превосходной книге Анны Сидякиной «Маргиналы», в эссе 2007 года «8:0 и 9:0», в толстой тоmine «Екатеринбург 2000: люди и судьбы». Кому интересно – найдите, не проблема. Я о тогдашней обширной катастрофе, о мёртвых, о потерпевших ошеломляющее поражение – говорить сейчас не хочу. Не-вмо-го-ту. Скажу только вот что – человек обязан держать удар. Трясаясь от боли и ужаса, – обязан подниматься с карачек, обязан поднимать свою избитую морду кверху: «Господи, я не сдаюсь, Ты со мной!» Ну вот так. Переходим к густым 90-м.

В 1997 году я вернулся в Екатеринбург из Нижнего Тагила (главным моим собеседником там был, ну конечно же, Женя Туренко), где жил внятной монастырской жизнью и директорствовал в церковно-приходской школе. Тут некоторое отступление, предуведомление необходимо. К середине 90-х у меня *перестали* стихи. Я работал тогда на гостелерадиокомпании и, например, умудрился оформить себе права на ежесуточный час (!) рекламного времени в эфире. А это время перепродал оптом на год вперёд (ну, т. е. я продал 365 часов ничего, пустоты)!.. Каждый четверг мне привозили просто невменяемое количество денег. Чтобы я ни делал – всё равно наступал четверг, и в семь часов вечера мне привозили эти кирпичи денег. «Смыслоутрата, Андрюша, смыслоутрата!» – это Боря Хохонов сказал, когда я, пьяный, с какой-то влядью и пистолетом в руке, опять приполз к нему в мастерскую на жизнь жаловаться. Смыслоутрата.

Уехал я в Нижний Тагил. Сначала был церковным плотником, потом открыл ЦПШ в огромном детдоме. Вернулись ведь стихи! Каждый вечер и каждое утро молил царя-псалмопевца Давида – «пусть вернутся!» – и вернулись. Только странные какие-то. Я-то ожидал ясных и просторных, как воздух осенью, а вылезли – «Сибелиусы», жёсткие, зимние, ночные, горчащие дымом. Целая новая книга. Тут дело-то, насколько я понимаю, не в idiotском – «поэт должен быть голодным»,

нет, вы что! Просто с предателем Бог молчит, не даёт ему стихов.

Ну вот. Вернулся я в Екатеринбург из Нижнего Тагила и пошёл работать на телевидение. Спасибо за это Ольге Каменевой, всегда ей благодарен буду. Авторская программа. Называется «Земля Санникова». Чудеса! Стала через некоторое время «Земля Санникова» самой рейтинговой программой в истории Екатеринбурга. Рейтинг – нереальное что-то. Но – москвичи серьёзные меряли рейтинг, незаказные, тайком. 42% жителей Екатеринбурга назвали своей любимой передачей – мою.

Деньги на запуск программы дал Александр Хабаров (убит в 2005 году). Вечная ему память.

Передачи были – жуть. Заброшенные интернаты для умственно отсталых, где 8-летние дети под покрытым наледью потолком едят картофельную слизь. Пункты приёма металлолома, полные кладбищенских оград. Тайное 250-тысячное таджикское население Екатеринбурга на зловонных овощебазах. Наркотики, завалившие подъезды трупами подростков со шприцами в остывающей вене. Азербайджанские криминальные кланы, льющие по гаражам древесный спирт в миллионы водочных бутылок. Ну и, разумеется, обожравшиеся, лопающиеся от сумасшедших денег менты.

Страшно мне было – невероятно. Иногда, внезапно, среди обычного дня, просто не мог стоять от страха – садился на пол и сидел, держась руками за ламинат. Однажды в меня стреляли цыгане, а я умудрился заползти от выстрелов за машину и поставить на капот включённую видеокамеру. В другой раз меня похитили менты и четыре часа голого держали на коленях с автоматом у головы (я пел про себя «Богородице, дево, радуйся!» и на пальце передвигал чётки-«десятку»). С некоторых пор меня стали на подходе к дому сопровождать «красной точкой» лазерного прицела в грудь или в пах, однажды так пометили жену, вышедшую меня встречать, вот тут у меня была истерика, да. Дочь возили в школу два охранника в «брониках», «броник» был и на Дашке, ещё один «броник» повешен на сиденье, на котором едет дочь. Ну и т.д. И т.д. Да. «Давай твою книгу издадим», – сказала жена. «Давай. Как раз ангел наш Виталя Кальпиди настаивает!». И мы издали «Прерафаэлит». Эх, красота! Даже нитки в переплёте там – шелковые. Это ведь первая в жизни у меня типографская книжка была, до этого – машинописный самиздат типа «эрика даёт четыре копии» с фотообложками работы Коли Боченина. «Прерафаэлит» – первоклассная книга (плевать, что две опечатки).

Вскоре после «Прерафаэлит» выпустил я ещё одну, очень сильную и красивую книжку. Называется «Подземный дирижабль». Долго-долго она была для меня самой заветной? – да, именно так,

А.С., 1978 г.

заветной. На обложку – бумага сигарного цвета, треугольная марка с дирижаблем посередине наклеена (именно! напечатана отдельно и наклеена на каждый экземпляр!), обвязана каждая книжка шпагатом крест-накрест. Бандероль из какого-нибудь 1929 года, привезённая дирижаблем. Приняли меня в СП России (единогласно, при одном воздержавшемся). Билет №6960. Знаю, кстати, кто воздержался. Сука какая!

Вместе с друзьями-соратниками мы учредили совершенно легендарный теперь фонд – «Город без наркотиков», и с телевидения я ушёл. Захотелось «прямого действия», и стали мы совершать подвиги. В Екатеринбурге случилось антинаркотическое восстание: линчевали наркоторговцев, сносили цыганские дома, жгли машины. Популярность моя стала запредельной, в голове что-то стяхнулось, и, засыпая, я подводил итоги дня: сколько автографов и интервью раздал, на кого неизглядимое впечатление произвёл. Приехали как-то тогда «Король и шут», вышли на сцену – а начать концерт не могут, зал орёт «Санников, Санников!» и лезут к нам (а мы с женой на концерт пришли) через кресла толпы подростков ошалевших – «Санников, автограф, автограф!» Через 20 минут решили начинать всё-таки концерт – а у певца микрофон зрители стащили... Сейчас-то – срам вспоминать, а тогда – очень я себе нравился. Стал ведь я официально «Человек года» в 2000 году в Екатеринбурге. Что называется – «всё девки мои!»

И начались у меня сильнейшие, изнуряющие приступы тоски. Один из Отцов Церкви (Св. Кирилл

А.С. с дочерью, 1990 г.

Александрийский) сказал: «Радующийся чужому греху – грешит». От этого у меня и тоска была, от злой, разрастающейся радости при известии о новых грехах и подлостях всех этих цыган, ментов, наркоманов, чиновников, политиков. Если мне сообщали, что следователь, ведущий против меня уголовное дело («за клевету», ага), умер в своём кабинете от героиновой передозировки – я просто хохотал от радости. А в перерывах между этими «восторгами» – неподъёмная тоска. И понял я вот что: с каждым узнаванием о чужом грехе

Жена Марина и внук Мартин, 2010 г.

я сам становлюсь хуже. Больше узнал – больше ухудшился. Стал я тогда писать крепчайшие, буквально вымазанные кровью и землёй стихи. И из Фонда (в котором президентствовал тогда) ушёл. Выбирался наружу, как выбираются из танкового люка контуженные танкисты. Дописал книгу. Назвал её цитатой из гоголевских «Записок сумасшедшего» – «Луна сломалась», с прибавлением – «лёгкие стихи». На дворе был (точнее висел – как тёмная туша) 2005 год.

«Из какого сора» – старуха врёт. Ещё и «не ведая стыда», ага. Всё наоборот, совсем наоборот. Ни из какого «сора» стихи вырасти не могут. Стихи растут из опыта преодоления горя. Из непрерывного, неотвязного разговора со своим воспалённым стыдом.

Вечером 25 октября 2004 года дождался мою жену убийцы. Манечка выжила, изрубленное лицо ей сшили по лоскуткам в клинике Сергея Нудельмана. Операцию сделали гениально. Когда я предложил Сергею деньги – он чуть не заплакал от обиды, сказал: «Для меня честь хоть что-то для вас сделать». В записочках, когда Манечка их в церкви подаёт, всегда у неё среди наших имён записан Сергей... Ни хрена себе «сор», да?

Вообще, 2005 год (и прилегающие к нему слева и справа месяцы) был чёрен и подл так, что говорить о нём подробно я ещё не готов. Но вот о чём не посмею не рассказать – ежевечерний звонок (домой, в больницу – где бы я ни был) от Женечки Туренко: «Андрей, держись, я за тебя молюсь!».

К лету 2006 года книга «Луна сломалась. Лёгкие стихи» была готова. И – Наташа Стародубцева с Яшей Разливинским (в издательстве «Контрабанда») выпустили полиграфический шедевр. Интеллиготина опять оскорбилась – книжка стихов должна же быть кривой серой тетрадкой с непременными тварьдрожащими фразами про «спасибо за неоченимейшую финансовую поддержку»! Так вот – надо обладать честью. И по отношению к своим стихам и по отношению к своей жизни. Все мои книги – это принципиально – изданы великолепно и только на мои собственные деньги. Я имел честь жить эту жизнь и писать эти стихи. 14 сентября 2006 года началась работа собственного литературного семинара. Евгений Степанов назвал семинаристов «цветом русской поэзии». Да, так и есть.

В 2011 году у меня вышли (в Нью-Йорке) «Ангельские письма», нежная, полупрозрачная квадратная книга с удивительными иллюстрациями, которые два (!) года рисовал Серёжа Ивкин.

Остановимся. Хватит пока. Прав веселящийся Туренко: «Спина к спине – спины не увидать!». Подробности только что прошедших 6–7 лет слишком многочисленны и – пока – равноценны, рассортировать их можно, но я наделаю ошибок, если примусь за это. Подождём.